

только-что они вторично свидѣлись въ Амстердамѣ, гдѣ переданы были недостававшія части рукописи и вручены остальные деньги, — какъ Анджелуччи упорхнулъ, конечно, для того, чтобъ гдѣ-нибудь переиздать памфлетъ и снова продать его. Бомарше летитъ за нимъ, не зная нѣмецкаго языка, черезъ Германію, надѣясь настигнуть его передъ Нюрнбергомъ, куда онъ, какъ слышно, направился. Уже онъ недалеко отъ цѣли, какъ съ нимъ случается необыкновенное происшествіе: это было передъ нейштадтской станціею; онъ вышелъ изъ экипажа, чтобъ пройтись лѣсомъ, и велѣлъ кучеру ѣхать впередъ; черезъ полчаса онъ съ трудомъ добрался до кареты, испуганный и пораненный. Рука была пере-вязана, на шеѣ былъ шрамъ, — онъ только-что выдержалъ схватку съ двумя разбойниками! Одинъ былъ верхомъ, другой зашелъ предательски съ тылу. Пистолетъ Бомарше оскѣся; кинжалъ разбойника, направленный въ грудь, ударился о медальонъ съ королевскимъ письмомъ; въ неравной борьбѣ смѣлость путешественника взяла верхъ; верховой усекалъ, оставивъ на мѣстѣ шляпу и парикъ; съ пѣшимъ они поборолись; Бомарше увидалъ его передъ собою на колѣняхъ, и уже хотѣлъ скрутить ему руки кушакомъ, но показались вдаль новые сообщники, и онъ выпустилъ негодая. Тутъ кстати послышалась труба почтара, и вся шайка разсѣялась. Такъ кончилось это нападеніе; что оно связано было съ дѣломъ о памфлетѣ, Бомарше не сомнѣвался; онъ ясно слышалъ, какъ двое напавшихъ называли себя по именамъ, — одинъ былъ Аткинсонъ, другой Анджелуччи. Въ этомъ духѣ дѣлаетъ онъ свое показаніе нюрнбергскому бургомистру, и живо, въ лицахъ, рассказываетъ всю сцену хозяину гостинницы „Красный Пѣтухъ“ и его гостямъ. Но онъ не показалъ хирургамъ своихъ ранъ, заявилъ, что спѣшить въ Вѣну, и только просилъ полицію нарядить строгое слѣдствіе; подробныя примѣты разбойниковъ, сообщенныя имъ, описываютъ даже синюю безрукавку Анджелуччи. Доѣхавъ до Регенсбурга, онъ чувствуетъ, что отъ тряски ранамъ его хуже, и спускается по Дунаю на баркѣ. Мысль о поѣздкѣ въ Вѣну пришла ему внезапно, говоритъ онъ: дерзость враговъ королевы, отваживающихся даже на разбой, показала ему всю силу опасности, и онъ счелъ необходимымъ лично повидать мать своей государыни и открыть ей все. Только-что онъ прибылъ въ Вѣну, онъ, черезъ секретаря Маріи-Терезіи, просить тайной аудіенціи, съ глазу-на-глазъ; ему не довѣряютъ, но онъ показываетъ полномочіе, выданное Людовикомъ XVI, и это открываетъ ему доступъ въ кабинетъ императрицы. Онъ идетъ прямо къ дѣлу и даетъ полную волю и своей импровизаціи, и